

Содержание

Предисловие	4
Лекция 1	6
Лекция 2	18
Учебно-методические материалы к практическим занятиям	25
Тема 1. Специфика работы редактора научной литературы.	
Научный стиль	25
Тема 2. Справочно-библиографический аппарат	31
Тема 3. Грамматика научного текста.....	42
Тема 4. Оформление своей и чужой позиции.	
Авторизация и согласие/несогласие	51
Тема 5. Метатекст в слово- и текстоцентрическом аспектах	65
Тема 6. Содержательная структура научного текста	89
Материалы текущего и итогового контроля по учебной дисциплине	95

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленное учебно-методическое пособие реализует концепцию преподавания учебной дисциплины по выбору «Подготовка и редактирование научного текста и редактирование научного текста» в рамках магистерских программ по направлению подготовки по направлению подготовки 032700.62 «Филология» и по специальности 030901.65 «Издательское дело и редактирование» в Институте филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета, ориентированную на **многоаспектное** изучение языковых явлений.

Актуальность данной дисциплины обусловлена тем, что многие молодые научные исследователи не обладают системным знанием относительно подготовки научных изданий к публикации и, следовательно, испытывают трудности как в создании и оформлении научных статей, диссертаций, так и при участии в работе научного коллектива при создании сборников, коллективных монографий. Данная учебная дисциплина занимает важное место в профессиональной подготовке магистранта или аспиранта, и, следовательно, ее освоение необходимо для реализации следующих профессиональных компетенций научного работника, работающего в высшей школе, или редактора научной литературы: а) формирование представлений о специфике коммуникации «редактор — автор» с учётом особенностей коммуникации с адресатами разного типа; б) совершенствование навыка корректного анализа, рефериования и обобщения результатов научных исследований; в) формирование умения редактировать научный текст как целое и обучение навыкам работы над справочным и библиографическим аппаратом издания в соответствии с действующим ГОСТом. Цель же данного учебного издания — сформировать навык оформления научной статьи и диссертации в соответствии с современными государственными стандартами и требованиями.

Предлагаемое учебно-методическое пособие написано преподавателем, который многие годы на филологическом факультете вел авторские учебные курсы «Синтаксис современного русского языка (семантический, формальный, коммуникативный)» и «Пунктуация в семан-

тико-функциональном аспекте». Поэтому пособие, сохраняющее преемственность с этими курсами, а также со «Стилистикой», может быть использовано при подготовке магистрантов и аспирантов не только по направлению подготовки 032700.62 «Филология», а и по другим направлениям. Содержание пособия ориентировано на совершенствование общекультурных, метапредметных и профессиональных компетенций обучаемых.

Композиция учебно-методического пособия обеспечивает реализацию линейного принципа: часть пособия нацелена на осмысленное совершенствование содержания научного текста, базирующееся с учетом достижений современной лингвистики. В пособии реализован также принцип повторяемости: к некоторым элементам темы «Справочно-библиографический аппарат» мы возвращаемся в разделах «Оформление своей и чужой позиции. Авторизация и согласие/несогласие», «Метатекст в слово- и текстоцентрическом аспектах», «Содержательная структура научного текста».

В учебно-методическом пособии, кроме образцового, предложен и **сомнительный** языковой материал с целью формирования / совершенствования умения редактировать и оформлять научное издание. Ценность работы с таким языковым материалом состоит в предоставленной возможности увидеть в отклонении от нормы правила создания научного текста, соответствующего современным требованиям.

Основные элементы учебно-методического пособия:

- ▲ перечень основных вопросов по темам и тематические списки основной литературы;
- ▲ лекция и теоретические сведения в рамках планов практических занятий по дисциплине;
- ▲ упражнения и задания по дисциплине;
- ▲ методические комментарии, акцентирующие внимание на наиболее важных и сложных моментах в изучении темы;
- ▲ итоговое задание, контрольные вопросы и материалы итогового контроля по учебной дисциплине.

Задания рассчитаны на разный уровень подготовки студентов, и преподаватель может выбрать для занятия и самостоятельной работы, опираясь на пособие, образовательную траекторию в зависимости от подготовки учащихся. В сложных заданиях автор делает ссылку на литературу, дает теоретическую справку или методические указания.

ЛЕКЦИЯ 1

Внутритеキстовые библиографические ссылки: взгляд лингвиста и редактора

Вопросы

- I. Вопрос о пунктуационном оформлении внутритеキстовых библиографических ссылок.
- II. Оформление чужой речи и чужого слова, согласия / несогласия с чужой позиции.
- III. Вопрос об уместности употребления внутритеキстовой библиографической ссылки с лингвистической и редакторской позиций. О современной тенденции оформления чужого слова в научном тексте.

Цель данной лекции — обсудить вопрос об оформлении чужой речи и уместном употреблении внутритеキстовой библиографической ссылки, а также о её целесообразном пунктуационном оформлении с формальной и коммуникативно-прагматической точки зрения.

Актуальность данного вопроса обусловлена не столько противоречивостью некоторых рекомендаций, появившихся в государственных стандартах XXI в., сколько недостаточной компетентностью некоторых современных авторов и редакторов.

I

Оформление внутритеキстовых ссылок в **круглых скобках** — именно такой вариант является по ГОСТу 7.1—2003 и ГОСТу Р 7.05—2008 предпочтительным, — на наш взгляд, является коммуникативно нецелесообразным. Как известно, в системе русской пунктуации вариантами скобок являются и круглые, и квадратные, и косые, и угольные; однако в литературной письменной речи — и прежде всего научной — второй половины XX в. эти знаки различаются сферой употребления. Объединяет их то, что названные варианты обозначают границы вставок; однако круглые скобки употребляются во всех стилях письменной речи, а квадратные (реже и в прежние годы — косые) — только в научном тексте. Они употребляются как знак особой вставки — библиографической ссылки.

Заметим: это правило сохранялось даже в период, предшествующий тотальной компьютеризации, хотя на клавиатуре пишущей машинки и не было клавиши «квадратные скобки». Поэтому фрагмент текста, в котором библиографическая ссылка располагалась внутри вставки (в переводе на лингвистический язык — вставка во вставке), оформлялся как «**стечение** (**линейная цепочка**) квадратных и круглых скобок», например: *В конце XX в. объектом пристального внимания лингвистов становится коммуникативная деятельность человека, в том числе и речевое поведение (см. обзор в работах Т. Г. Винокур [Винокур 1993] и М. В. Колтунова [Колтунова 2004]).* При замене квадратных скобок на круглые трансформ приобретает неудачный вид, ср.: *В конце XX в. объектом пристального внимания лингвистов становится коммуникативная деятельность человека, в том числе и речевое поведение (см. обзор в работах Т. Г. Винокур (Винокур 1993) и М. В. Колтунова (Колтунова 2004)).*

Итак, оформление внутритекстовых библиографических ссылок с помощью квадратных скобок не только является традиционным, но и коммуникативно целесообразным.

II

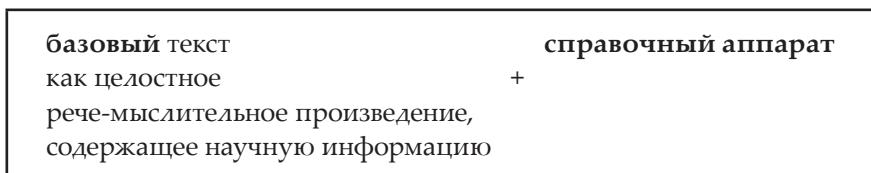
Корректность употребления внутритекстовых библиографических ссылок демонстрирует степень **лингвистической, текстовой и изда-тельской** компетенций автора, а в ряде случаев — и редактора.

Мы выбрали корпус текстов, созданных филологами, в том числе и лингвистами, для анализа, поскольку во-первых, филологи, как правило, предпочитают в своих работах употреблять внутритекстовые ссылки, а самое главное, даже эта категория авторов испытывает затруднения при оформлении таких модусных составляющих текста, как авторизация и иногда метатекст в научном тексте.

Эти затруднения связаны 1) с недостаточной лингвистической компетенцией автора в области семантического синтаксиса и/или 2) с отсутствием ясного осознания автором двухкомпонентности **научного** текста и следованием тенденции к экономии языковых средств.

Современный редактор научного текста обладает не только коммуникативной, лингвистической, текстовой, семиотической компетенциями, но и специальной — изательской. В этом отношении современный автор научного текста часто, как говорится, уступает редактору.

Для редактора — аксиома: специфика научного текста, в отличие от научно-популярного и произведений другой стилистической принадлежности, состоит в двухкомпонентной структуре:



Структура и объём справочного аппарата, как известно, существенно зависит от жанра научного произведения, но одним из его обязательных компонентов являются библиографические ссылки, которые бывают за-, под- или внутритекстовыми. Вид ссылок выбирается обычно в соответствии с традициями определенного научного коллектива, научной области.

С лингвистической точки зрения, в рамках семантического синтаксиса, давно осознана идея, что текст как высказывание в семантическом плане имеет два пласта — объективное и субъективное (включая авторизацию, метатекст и др.) [Шмелева, 1988].

Таким образом, текст с издательской точки зрения — это текст в лингвистическом понимании плюс рамка «справочный аппарат».

Любой научный текст интертекстуален, справедливо отмечают М. П. Котюрова, Е. А. Баженова [Котюрова, Баженова, 2008], поэтому необходима особенная аккуратность при изложении своей и чужой позиции в научной дискуссии. Чужая позиция — это не только **авторское право**, но и, главное, **уважение к коллегам (!) и корректность** ведения научной дискуссии.

Квалифицированный редактор руководствуется **золотым правилом научной коммуникации**, сформулированным В. Е. Чернявской:

«Все ссылки к чужим идеям должны быть ясно обозначены и обоснованы для читателя, а границы своего и чужого знания четко маркированы (выделено мною. — Н. П.). Это способствует однозначному восприятию содержания» [Чернявская, 2004, с. 50].

Опытный автор, в зависимости от своего коммуникативного намерения и смысловых нюансов высказывания, в научный текст вводит чужую речь, чужое слово с помощью:

- 1) показателей авторизации;
 - 2) показателей метатекста, в зависимости от своего коммуникативного намерения и смысловых нюансов высказывания.

Кроме того, он ясно осознаёт свое согласие / несогласие с чужой позицией.

Рассмотрим каждую ситуацию.

1. Школьника учат обозначать чужую речь с помощью таких синтаксических структур, как прямая, косвенная речь, вводные элементы, например: *Как утверждает поэт и критик О. Седакова, «в глубине русского романа обыкновенно лежит нечто подобное притче»* [Седакова 1994: 12] (Д. Самойлова).

Как видим, автор маркирует чужую речь с помощью классических показателей авторизации — вводного элемента (*Как утверждает поэт и критик О. Седакова*) и кавычек.

Таким образом, введение показателей авторизации, иначе говоря, оформление чужой речи с помощью таких синтаксических структур, как прямая / косвенная речь, вводные элементы — одна из предметных компетенций по русскому языку, которая должна быть сформирована у каждого выпускника основной школы и проверяется на ЕГЭ.

С редакторской точки зрения **чужая речь, или цитата**, в данном контексте эксплицирована вводным элементом и кавычками как **показателями авторизации и сопровождается внутритекстовой библиографической ссылкой**, которая гарантирует надежность и достоверность цитаты. Таким образом, в данном фрагменте реализована трёх-членная модель:

<u>Базовое предложение</u>	<u>Вставка</u>
Цитата, или косвенная речь	показатель авторизации + библиографическая ссылка

Напомним: в семантическом синтаксисе обозначено, что за стандарт в языке принято выражение речи «от себя» без показателей авторизации [Шмелева, 1988], например: *Белорусский, русский и украинский языки относятся к восточнославянским языкам.*

И на первый взгляд показатели, маркирующие авторское «я» (*я говорю, мои слова, от себя скажу, привожу свое мнение, наблюдение*), являются избыточными с точки зрения семантического синтаксиса, однако при изложении своей позиции в научном тексте введение показателей авторизации (обычно вводных элементов) выполняет прагматическую функцию: автор ясно обозначает границы чужой и своей позиции.

Это важно делать обязательно при реферировании научной литературы. Сигналом переключения от чужой позиции к своей чаще всего является вводное словосочетание *на наши взгляд*.

Особенно критике подвергается употребление вводного элемента *как мне думается*, например: *А литература, как мне думается, все равно будет заниматься тем, чем она занималась во все века — познанием души человека, его трагедией — но не трагедией элементарной, когда хлеба нету (в конце концов появится хлеб!), а трагедией самой судьбы человеческой, которая трагична от начала до конца, от рождения до смерти... По-моему, таковой литература была и будет всегда* (Ю. Левитанский. «...Многое просто уже не успеть...»).

Однако его употребление объясняется актуализацией авторизационного компонента, так же как и в следующих контекстах: *К настоящему времени у нас сложилось два прямо противоположных и, я бы сказал, почти симметричных образа Запада* (Ю. Афанасьев. Опасная Россия); *От себя замечу, что наши миномётчики в тридцатых годах были очень хорошо информированы о западных новинках* (А. Широкорад. Тайны русской артиллерии).

В научном тексте показатели авторского «я» (от деликатного, некатегоричного *как мне думается* — нейтрального *на наши взгляд* — до уверенного *от себя замечу, добавлю от себя*) часто маркируют границу между чужой и своей позициями по поводу дискуссионного вопроса. Вводный элемент *я бы сказал* встраивается в микросистему синкетических по природе языковых средств, которые, маркируя «моя — чужая речь», одновременно выражают принадлежность выделяемой части высказывания лексикону автора.

2. Если же автору важно подчеркнуть, что он употребляет слово / выражение из **чужого лексикона**, то используется вводный элемент или вставка, говоря научным языком, метапоказатель (подробнее см. более ранние работы [Перфильева, 2006]), например: *Множество умных и образованных свидетелей революции и Гражданской войны (из интеллигенции, из служащих) было уверено, что такие «окаянные дни» (говоря словами Бунина) — это русский апокалипсис, крушение не просто тех или иных государственных структур, а уничтожение государственности вообще, крах России, погружение в бездну* (Р. Баландин, С. Миронов. Тайны смутных эпох). Ср.: *Многими лингвистами уже давно признано, что текст есть едва ли не основная единица коммуникации, ибо, по выражению Г. Вайнриха, «мы говорим нормально не разрозненными словами, а предложениями и текстами, и наша речь покоятся на ситуации (цит. по: [Шмидт, 1978])»* (В. В. Красных. Виртуальная реальность или реальная виртуальность).

В этом случае чужое слово, как правило, не сопровождается внутритекстовой библиографической ссылкой.

3. Часто одним из недостатков реферативной части научного текста, когда излагается дискуссионный вопрос, является отстраненное изложение чужой (их) позиции(ий). В этом случае читателю неясно, какой позиции придерживается автор текста. Чтобы избежать этой ситуации, автору необходимо ввести языковые средства, выражающие согласие / несогласие с чьей-то позицией, подтверждение чьей-то точки зрения (вводное слово **И действительно**), например: 1) *Предел роста населения на планете, <...> более жестко определяется пределом роста энергопроизводства, чем возможностью получения продуктов питания. Действительно, достигнутый в развитых странах современный высокий уровень жизни требует, как уже говорилось, 10—12 киловатт энергии на душу населения* (Энергия. 1984. № 9); 2) *Наиболее близкую к нашим задачам постановку нашей проблемы находим в работах Е. Т. Черкасовой. Вслед за нею мы понимаем метафору как семантический сдвиг, который испытывает словесная форма (слово или группа слов) в специфическом лексическом окружении, исключающем буквальное понимание* (М. И. Черемисина. Сравнительные конструкции русского языка). Как видим, при введении определения, которое заимствовано из чужого текста и является основой данной работы, автор уместно употребил выражение **вслед за**.

Автор научного текста может также эксплицировать взаимодействие авторизации («употребляю чужое слово конкретной языковой личности») / метатекста («интерпретирую его») и согласия с помощью таких вводных элементов, как *по меткому выражению, по точному выражению, по обоснованному утверждению* и др. (подробнее см. более ранние работы [Перфильева, 2006]), например: *Говоря точным горьковским словом, они уже «выламывались» из своей культуры, хотя, как правило, и не делали последнего решительного шага* (В. Орлов. Перепутье); *Войны ведутся народами. И «дубина народной войны», по образному выражению Л. Н. Толстого, всегда была грозной и величественной силой* (П. Жилин. Кутузов); *По обоснованному утверждению* К. Поппера, «*знание не может начинаться с ничего — с tabula rasa — и даже с наблюдения. Продвижение знания состоит главным образом в модификации прежнего знания* [цит. по: Ильин, Калинкин 1985: 20]» (М. Котюрова, Е. Баженова. Культура научной речи).

Во всех этих случаях чужое слово, как правило, не сопровождается внутритекстовой библиографической ссылкой.

III

Опыт редактирования «Молодой филологии» — сборников исследовательских работ молодых учёных-филологов, — а также знакомство с диссертациями и др. работами филологов (даже докторов наук) дали значительный отрицательный материал. Он позволяет утверждать, что редактор часто сталкивается с несформированной языковой, текстовой и издательской компетенциями. Правда, отрицательный материал в докторских работах — это, скорее всего, проявление современной тенденции к экономии языковых средств и речевых усилий при оформлении чужой речи и ссылок на чужое знание в собственно научном тексте.

1. Эта тенденция проявляется в том, что в современных текстах часто **нарушена схема оформления авторизации**:

Цитата + показатель авторизации

Как мы можем увидеть в примерах приведенных ниже, авторы с помощью кавычек обозначают границы чужого высказывания и не

вводят информации в базовом тексте о том, кому принадлежит это чужое высказывание, ограничиваясь только внутритекстовой библиографической ссылкой, см.: 1) «Языковая игра предполагает выход за рамки нормативного языкового кода», «предстает как "парадоксальное" отклонение от сложившихся форм языкового выражения смысла в разных сферах речи, отражая особенности языковой ментальности» [Гридина 2002: 24]. Языковая игра — «это некоторая языковая неправильность (или необычность), осознаваемая говорящим (пишущим) и н а м е р е н о допускаемая» [Санников 1999: 23] (М. И*).

2) Как известно, «лирический герой — образ поэта в лирике — один из способов раскрытия авторского сознания, художественный двойник автора-поэта, вырастающий из текста лирических композиций, как четко очерченная фигура или жизненная роль, как лицо, наделенное определенностью индивидуальной судьбы, психологической отчетливостью внутреннего мира» [Роднянская 1984: 185]. В ролевой же лирике, объектом изображения которой является ролевой герой, автор выступает от лица разных героев. Здесь «используется лирический способ овладения эпическим материалом: автор дает слово героям, явно отличным от него. Он присутствует в стихотворениях, но скрыто» [Корман 1964: 165]. «Автор стоит за монологом героя, он есть в выборе материала, в его расположении и освещении» [Корман 1964: 229] (из статьи Ж*).

С синтаксической точки зрения авторы как будто стесняются строить высказывание с прямой речью, точнее, вводить рамочную структуру — слова автора.

С редакторской точки зрения в приведённых контекстах происходит **смешение базового текста и справочного аппарата**. В подобном случае при коммуникации с автором убедительным является эксперимент, который состоит в замене внутритекстовых ссылок подтекстовыми или затекстовыми (с такой ситуацией часто сталкиваются авторы — в каждом научном коллективе есть свои предпочтения в плане библиографического оформления). В результате в базовом тексте остается высказывание в кавычках. А кому оно принадлежит? Нарушены правила оформления чужой речи.

Кроме того, в первом контексте допущена и такая ошибка, как **нанизывание цитат**. В результате читателю не ясен замысел автора: диалог двух позиций или точка зрения одной группы исследователей.

Контексты построены, я бы сказала, по компилятивному принципу и отражают **незавершённость речемыслительного процесса автора, поскольку его отношение к цитатам как к чужому знанию не эксплицировано.**

2. Часто наблюдается непоследовательность в оформлении чужой позиции, иначе говоря, **нарушен принцип единобразия**.

Так, в рукописи кандидатской диссертации П* читаем: *<...> создаваемые ими значения закономерно рассматривать как составную часть того семантического слоя, который С. Г. Ильенко называет «семантикой собственно синтаксической структуры» [Ильенко 2003: 256—257]. Значения форм глаголов-сказуемых — «элемент синтаксической семантики сложного предложения [Белошапкова 1977: 52—53]*. Как видим, в первой фразе чужое слово эксплицитно оформляется с помощью кавычек и сопровождается показателем авторизации — С. Г. Ильенко называет; между тем фрагмент цитаты в базовой части второго высказывания требует редакторской правки, поскольку нарушена модель оформления чужой речи. Общими для обеих фраз являются библиографические вставки, которые представляют собою часть справочно-ссылочного аппарата.

Кроме того, и в этом примере нет текста, принадлежащего автору рукописи и показывающего связь между цитатами; неясно, в примере представлена одна позиция, которой придерживается группа исследователей, или столкновение разных точек зрения.

3. В диссертациях, монографиях библиографическая **ссылка** (вставка!) иногда употребляется в позиции члена предложения, например: 1) В [*ГРЯ, 1960*] также отмечается, что значительное количество подобных союзов «представляют собой омонимы местоимений, наречий и частиц [*ГРЯ, 1960, т. 1, с. 663*]. В свою очередь, в [*РГ, 1980*] указывается, что «соотносительность союзов со словами других частей речи может рассматриваться как мотивированность» [*РГ, 1980, т. 1, с. 715*] (из докт. дис. В.*З.* 2009). 2) Значительное место рассмотрению данного союза отводится в [*Холодов, 1975, 1977; Хегай, 1981; Ляпон, 1986; Кручинина, 1988; Санников 1989, 2008*] (там же). 3) Противоположная точка зрения представлена в [*Холодов, 1975, ч. 1, с. 36—37, Шувалова, 1988б, с. 129*] (там же). 4) Подход к структуре союза с точки зрения вариантности был заявлен в [*ГСРЛЯ, 1970, с. 679*] (В. Завьялов. Морфологические и синтак-

сические аспекты описания структуры русских союзов. 2009) — общая для мироздания структура (ср. гравитационное, электрическое поле). Именно поэтому начнём с разграничения понятий поля и категории, в том числе, ФСП и ФСК, в [Всеволодова 2000: 76—77] не разграничиваемых, хотя они предполагают принципиально разные типы структур (Вопросы языкознания. 2009. № 3).

В таких контекстах, во-первых, происходит смешение базового высказывания и справочного аппарата, во-вторых, вставки функционируют в качестве членов предложения. И, наконец, такое проявление закона экономии языковых средств наносит вред эстетической стороне текста.

4. Далее мы рассмотрим, какие позиции в предложении / текстовом фрагменте занимает внутритекстовая библиографическая ссылка и оценим существующее положение дел с позиций синтаксической, pragматической, эстетической.

4.1. **Неудачное употребление** библиографической ссылки часто обусловлено её позицией в предложении и/или отсутствием показателей авторизации или метаоператоров и, соответственно, делает границы своего и чужого размытыми. Обратимся к контексту: *В настоящей статье предпринимается попытка описать взаимосвязи концепта «СЕМЬЯ», другими словами, концептосферу семьи [Лихачев 1993: 5]* (из научной статьи Е.*Д.*). Намерение автора статьи заключалось в информировании читателя, что концептосфера — термин Д. С. Лихачёва. Коммуникативная неудача автора состоит в том, что библиографическая ссылка располагается в конце предложения, поэтому в связи с её финальной позицией всё предложение интерпретируется как высказывание, принадлежащее Д. С. Лихачеву, что звучит, по меньшей мере, странно в начале статьи, когда автор претендует на самостоятельную постановку исследовательской задачи.

На наш взгляд, здесь можно было бы ограничиться и только введением метапоказателя (*термин Д. С. Лихачева*) после слова концептосфера. Ср.: *Существенный вклад в понимание этих отношений внесли работы по систематизации этих представлений о видах компаративных тропов (термин В. И. Королькова) и формулированию критериев их разграничения* (М. И. Черемисина. Сравнительные конструкции русского языка).

4.2. В современных текстах часто внутритекстовая библиографическая ссылка занимает контактную постпозицию после названного

источника или автора, например: *Однако воплощение Города в книге не является буквальной реализацией платоновской схемы. М. Ямпольский [Ямпольский 2007] указывает, что существует два способа самополагания города, связанные с удвоением образа* (из статьи Д. К*). Такое оформление является неудачным с эстетической точки зрения, так как на одной строчке подряд написана одна и та же фамилия, то есть наблюдается формальный повтор. Более того, это создаёт иллюзию избыточности.

4.3. Часто молодой исследователь, исходя из благих побуждений бережного отношения к чужой позиции или из научной осторожности, избыточно употребляет библиографические ссылки.

Встречаются даже контексты, в которых библиографическая ссылка занимает позицию перед показателем авторизации (что выглядит странно), например: *В своей работе [Кацнельсон 1972] С. Д. Кацнельсон развивает мысль о том, что речь, преодолевая свою одномерность, воспроизводит сложные отношения объективной действительности. По его мнению, «средством преодоления одномерности речи являются «проективные» формы языка. Язык как бы настраивает над линией речи дополнительное многомерное пространство, в постоянном контакте с которым речь расширяет свои дименсиональные потенции. Этим «дополнительным пространством» является парадигматика языка» [Кацнельсон 1972: 186]* (из канд. дис. Е. К* 2009).

Поскольку в данном текстовом фрагменте речь идёт об одной и той же работе С.Д. Кацнельсона, то первая внутритекстовая библиографическая ссылка избыточна. К тому же она занимает неправильное местоположение, располагаясь перед фамилией реферируемого автора, впервые упоминаемой.

Названная фамилия и библиографическая ссылка как знак, имеющий значение «изложение концепции данного автора закончено», на странице могут находиться на расстоянии (см. контекст выше), иногда значительном, и тем самым маркировать границы чужой позиции. Ср.: *Среди метапоказателей встречаются также выражения как можно / принято нынче говорить, которые, как и метапометы как сейчас говорят / выражаются, содержат глагол несовершенного вида и вводят, по справедливому замечанию М. В. Ляпон, стандартные, узуальные обозначения того, что существует в данном языковом коде в качестве «дежурного выражения», речевого штампа [Ляпон 1986] на протяже-*

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru